

Вэй Цю пришел в себя от мерной тряски и покачивания. Сквозь скрип деревянных досок на глаза давил теплый солнечный свет.

Все тело ломило, мышцы не слушались, глаза жгло, а в горле пересохло так, словно туда насыпали горячей золы. Сбрав последние силы, он с трудом приоткрыл веки, пытаясь найти хоть немного воды, и мутным взглядом обвел пространство вокруг.

Только тогда он понял, что лежит на деревянной телеге, которая покачивалась, пока кто-то тянул её вперед. Вокруг царил тишина и пустота. Впереди виднелся высокий силуэт — человек набросил лямки телеги на плечи и медленно тащил её по узкой тропе.

Казалось, у того человека были проблемы с ногами, и вес телеги вместе с грузом заставлял его прилагать нечеловеческие усилия к каждому шагу. Однако в этой упрямой спине чувствовалась нестигаемая воля: пусть шаги были медленными, но ступал он твердо. Его стан оставался прямым, в нем не было ни капли жалкости или отчаяния.

— Кхм-кхм... кха...

Слабый кашель нарушил тишину пустынной дороги. Силуэт впереди замер. Человек сбросил лямки и подошел к телеге.

Горло Вэй Цю зудело от сухости, глаза еще не привыкли к яркому солнцу, и перед ними все плыло, мешая разглядеть подошедшего. Он лишь почувствовал, как крепкая рука приподняла его, и к губам прижали деревянный бамбуковый тубус с чистой водой.

Ощувив прохладу, он инстинктивно начал жадно глотать, пытаясь унять нестерпимую жажду этой драгоценной влагой.

— Кха... кха-кха! — Он не успевал сглатывать, вода потекла по подбородку, заливаясь за ворот и пропитывая одежду.

Человек прижал его к груди, и Вэй Цю в нос ударил густой запах пота. Он нахмурился, голова отозвалась болью, он попытался отстраниться, но его крепко держали в объятиях. Незнакомец краем рукава вытер ему подбородок и шею, а затем молча и бережно снова поднес воду к губам.

Сделав еще один большой глоток и немного придя в себя, Вэй Цю слабо покачал головой. Его снова уложили, и нахлынувшая сонливость потянула за собой. Он из последних сил пытался открыть глаза, чтобы рассмотреть того, кто рядом, но снова провалился в темноту, неосознанно крепко вцепившись пальцами в его большую ладонь.

Чэн Шинань посмотрел на мягкую теплую руку в своей ладони и невольно сжал пальцы чуть крепче. Дождавшись, когда Вэй Цю уснет, он подоткнул ему одеяло, снова впрягся в телегу и направился к деревне.

Солнце клонилось к закату. Над каждым домом в деревне поднимались струйки дыма — фуланы и женщины хлопотали над ужином. Мужчины, отработав весь день в поле, возвращались домой с инвентарем на плечах. Несмотря на усталость, их лица светились радостью от доброго урожая. В этом году осенняя страда выдалась куда лучше прежних лет.

Под большим деревом у въезда в деревню сидели старики. Они заводили разговоры с проходящими мимо мужиками, обсуждая количество зерна, и в воздухе царил общее воодушевление. В этот момент старик Мэн устался на тропинку впереди, заметив вдалеке

человека с телегой.

— Ой, а это кто там? — прищурился старик.

Шум голосов вокруг стих... Люди начали приглядываться. Похоже, это был второй сын семьи Чэн.

Мэн Цюань хлопнул себя по колену, вскочил и, бросив мотыгу, побежал навстречу: — Это же Шинань! Наконец-то вернулся.

— А куда он уходил? — удивлялись односельчане. — То-то я его пару дней не видел.

— Слыхали? Пару дней назад семья Чэн разделила хозяйство, и второго сына выставили вон.

— Разделили?

— Ага, отдали ему ту развалюху под горой у самого края деревни.

— Да не болтай попусту! Как это — разделили? Не может быть! Старший-то их, Чэн Шидун, только в прошлом месяце погиб, горе какое! И что, сразу второго сына выгнать? Совсем совести нет. К тому же у Шинаня нога калеченая!

Деревенские зашумели, обсуждая семью Чэн с явным неодобрением.

В деревне Давань жили люди с разными фамилиями, многие перебрались сюда десятилетия назад, спасаясь от войн. У стариков Чэн было три сына и дочь. Старший сын погиб еще в детстве во время бегства от войны...

Второй сын, Чэн Пингуй, был недурен собой. Сначала он женился на единственной дочери семьи Сюэ из соседней деревни. Старик Сюэ в молодости занимался торговлей и имел кое-какие сбережения. Его жена рано умерла, поэтому он души не чаял в своей единственной дочери. Когда её выдавали замуж, караван с богатым приданым, вошедший в дом Чэн, всколыхнул всю деревню — многие тогда лопались от зависти!

После свадьбы молодые жили душа в душу, но счастье длилось недолго. Старик Сюэ, чье здоровье было подорвано годами разъездов, скончался через несколько лет. В то время Сюэ-ши (ши значит «женщина из рода Сюэ») была беременна Чэн Шинанем. Узнав о внезапной смерти отца во сне, она не выдержала удара, началось кровотечение. Промучившись всю ночь, она родила Чэн Шинаня, но из-за чрезмерной скорби и подорванного здоровья в период восстановления не прожила и двух лет.

Она оставила двух сыновей: старшего Чэн Шидуна и младшего Чэн Шинаня. Не прошло и года после её смерти, как Чэн Пингуй сошелся с младшей дочерью семьи Цянь из их же деревни, Цянь Цуйпин. Ходили слухи, что Цуйпин засиделась в девках до двадцати лет неспроста — между ними явно что-то было за спиной у законной жены!

Опасаясь сплетен, старик Чэн (отец Пингуя) долго не соглашался на этот брак, но не устоял перед мольбами старухи Чэн и второго сына. К тому же Цянь-ши забеременела, так что им справили скромную свадьбу.

Семья Чэн изначально не была богатой, но с приходом Сюэ-ши дела пошли в гору. Они не только построили большой кирпичный дом, но и обзавелись землей, став зажиточными хозяевами...

Старуха Чэн с самого начала невзлюбила хрупкую Сюэ-ши, но была вынуждена терпеть её, ведь семья жила на её приданое и деньги её отца. Это позволяло старухе держать фасон в деревне и чувствовать себя выше других. Как только Сюэ-ши умерла, камень с её души свалился. С приходом Цянь-ши она начала вести себя как великая госпожа. Цянь-ши же была подхалимкой и быстро обвела старуху вокруг пальца.

Первые годы, благодаря средствам семьи Сюэ, семья Чэн процветала. Дочь выдали за управляющего трактиром в городе, третий сын женился на дочери мясника Лю из соседней деревни. Цянь-ши, родив двух сыновей, почувствовала, что ничем не хуже покойной Сюэ-ши, и её мелочная, корыстная натура вырвалась наружу.

Муж её, Чэн Пингуй, был человеком хитрым и эгоистичным. Младший брат, Чэн Пинъань, хоть и был молчалив, себе на уме. Его жена Лю-ши, придя в дом, оказалась женщиной с крутым нравом и терпеть не могла заносчивость Цянь-ши. Своячницы внешне ладили, но втайне постоянно грызлись.

Когда старик Чэн умирал, он распорядился разделить хозяйство. Чэн Пинъань съехал из родового гнезда, построив домик неподалеку, а старуху оставили на попечении Чэн Пингуя. Семья жила на широкую ногу, не зная меры, и после раздела деньги стали стремительно таять...

Тогда Цянь-ши и положила глаз на братьев Чэн Шидуна и Чэн Шинаня. Шидуну тогда было двенадцать, Шинаню — восемь. Цянь-ши через свою родню нашла Шидуну работу в городе. Под предлогом того, что мальчик слишком мал, она договорилась с управляющим, чтобы деньги забирал её родственник и приносил ей.

Чэн Шинань же дома крутился как белка в колесе: работа в поле, домашние дела, заготовка дров, стирка, готовка, скотина... Братья — один в городе, другой дома — пахали как волы под вечными понуканиями и окриками, не имея возможности даже вздохнуть.

Так прошло несколько лет. Позже Чэн Шидун познакомился с бывшими соратниками своего деда Сюэ по торговле и сам начал ходить с караванами. Дела в семье Чэн снова пошли в гору, они даже смогли отправить младших сыновей (от Цянь-ши) в школу. Чтобы облегчить жизнь брату дома, Шидун отдавал семье всё, что зарабатывал.

Но Цянь-ши по-прежнему обделяла Шинаня в еде и одежде. Старуха Чэн и Чэн Пингуй закрывали на это глаза, относясь к Шинаню с ледяным безразличием. Он был для них словно тень. Пока был жив дед, он хоть как-то защищал братьев, но после его смерти за них никому было заступиться.

Когда Шинаню исполнилось пятнадцать, начался набор в армию. Каждая семья должна была выставить одного мужчину или заплатить налог, чтобы избежать службы. Шидун, узнав об этом, поспешил домой с деньгами, чтобы выкупить брата, но семья Чэн пожалела серебра и поспешила отправить Шинаня на службу. Так братья разлучились на шесть лет...

В этом году Шинань вернулся с войны раненым. Братья наконец воссоединились, но не прошло и полгода, как Шидун попал в засаду горных бандитов. Из каравана не выжил никто. Когда тела привезли, семья Чэн заявила, что смерть была «дурной», и побоялась, что это навлечет беду на старуху. Тело Шидуна даже не внесли в дом — сколотили навес во дворе, провели похороны по самому простому разряду и поскорее зарыли...

Шидун при жизни был человеком честным, многим в деревне помогал, и сельчане были возмущены таким поступком семьи. За глаза многие костили Чэнов, говоря, что те совсем

ослепли от жадности и что кара их настигнет. Посмотрите, мол, на их младшего сына — шестнадцать лет, а даже экзамен на первую степень сдать не может...

Со смертью Шидуна «денежный мешок» семьи исчез. Чэны не собирались кормить дармоедов. У Шинаня была ранена нога, в армии подлечить её не удалось. Левая нога не выносила нагрузки; если идти медленно, хромота была почти незаметна, но стоило ускорить шаг — и он начинал сильно припадать на ногу.

Поскольку денег Шинань с собой привез немного и тяжелую работу из-за раны выполнять не мог, Цянь-ши целыми днями изводила его попреками. Лишь память о деньгах, что годами присылал Шидун, удерживала её от крайностей. К тому же Шинань уже не был тем безответным мальчиком — рослый, крепкий, прошедший войну, он даже с хромотой излучал такую суровую ауру, что к нему боялись подойти.

В прошлом месяце, когда Шидун ушел со своим последним караваном, старуха Чэн по наущению Цянь-ши купила в соседней деревне маленького гэра. Задумали женить на нем Шинаня, а после свадьбы сразу выставить из дома. Шинань согласился, но с условием: свадьба будет, когда вернется старший брат.

Однако стоило ему дать согласие, как Чэны впопыхах привезли гэра и в ту же ночь заперли их в одной комнате. Думали, даже если Шидун вернется и будет против, дело уже сделано, назад не повернешь. Но вместо брата пришла весть о его смерти.

Едва закончились похороны, купленный гэр внезапно упал в реку. Проходящий мимо односельчанин спас его, когда тот уже почти испустил дух. Его принесли в дом Чэн и бросили в комнате — никому не было до него дела.

Когда Шинань вечером вернулся домой и нашел его, гэр был в глубоком беспамятстве с сильным жаром. Местный лекарь Чжао как раз уехал в уезд к родственникам. Шинань, не раздумывая, подхватил беднягу на руки и, спотыкаясь, бросился во двор, чтобы запрячь вола и ехать в город.

Но Цянь-ши преградила ему путь. Она не дала запрячь телегу, заявив, что после осенних работ вол измотан и должен отдыхать. Мол, если ехать в город ночью, как завтра выходить в поле? К тому же завтра им самим нужно в город навестить младшего сына — как можно отдавать вола этому «отродью»?

В разгар ссоры Цянь-ши визжала:

— Подумаешь, жар! Кто в наше время из-за такого в город ездит? Имбирной воды попьет и ладно! Сколько денег на лекаря уйдет? Да стоит ли его никчемная жизнь таких трат?

— Старуха мать в доме лежит, а он ради паршивого гэра в город собрался! Есть деньги — так мать почитай, ты хоть знаешь, как нам сейчас тяжело?

Старуха Чэн сидела в комнате на кане с мрачным лицом. Чэн Пингуй сидел рядом и, услышав это, яростно выскочил на порог. Он начал орать на сына, обвиняя в непочтительности: мол, едва похоронили одного «короткоживущего», как он из-за чужака в доме скандалы затевает.

В глазах Цянь-ши мелькнуло торжество, хоть на лице она изобразила праведный гнев. Шинань холодно посмотрел на этих эгоистичных людей и, не проронив ни слова, развернулся и пошел прочь, прижимая к себе гэра.

Его холодное безразличие довело Чэн Пингуя до белого каления. Ему снова почудилась тень той женщины, и его мелочная, извращенная натура вскипела.

Он закричал вдогонку:

— Только попробуй сегодня уйти! Если выйдешь за ворота — можешь не возвращаться! Нет у меня больше сына по имени Чэн Шинань!..

Шинань не обернулся. Он лишь бросил через плечо: — Как пожелаешь...

<http://bllate.org/book/17091/1594671>